

Плывет шоколад / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Плывет шоколад / рассказ ПЛЫВЕТ ШОКОЛАД

У Зитлалли мышь под кроватью и родинка на переносице. Старый Койолчи говорит, будто там рос третий глаз, да и вовсе зарос – по нефункционабельности. Зитлалли не любит длинных слов и бьет Койолчи трухлявой палкой. Тот машет руками, крестится и мажет лоб кусочком алоэ. Когда Койолчи хоронили, лоб у него был зеленым. Трухлявая палка осталась без надобности. Иногда Зитлалли гонит её из-под кровати мышь.

Зитлалли не любит мышей. Они селятся повсюду: ныряют в сундуки, заползают под печку, залезают в гамак и, пища, качаются, вцепившись в разноцветные нитки. Но пуще всего мыши норовят забраться на чердак, где мать хранит ведра с наваренным шоколадом. Запрыгнут на край ведра, опустят туда хвост и пьют как через соломинку. Воду-то они, вроде, языками лакают, а шоколад только хвостом. Хитрые, знают, что так вкуснее. Изысканнее, как говорит Койолчи. Но Зитлалли не любит длинных слов и бьет Койолчи трухлявой палкой.

А хуже всего, что шоколад от мышиных хвостов скисает. Тогда мать ругается и выплескивает ведра в огород. Шоколад пузырится, затекает меж грядок и плывет куда-то по земляной жиже. То есть это уже жижа плывет, но Зитлалли все равно опускает туда палец, а потом облизывает, громко причмокивая. Мать снова ругается, закидывает Зитлалли на спину и несет в самую дальнюю комнату, где пахнет старыми платьями и мышами. Иногда Зитлалли думает, что хорошо бы поймать мышь и облизать ей хвост.

Койолчи говорит, в городе продается отравка от грызунов. Зитлалли жалко мышей, но шоколада жалко еще больше. У Койолчи большие руки и квадратные плечи. Грубый нос. Жесткие шоколадные волосы. Впалые морщинистые щеки. Серые заросшие

брови, из-под которых давно не видно глаз. Зитлалли не помнит, какого они цвета. Койолчи может не мигая смотреть на солнце. Солнце бегаёт по его телу, высвечивает гладкую загорелую кожу, упругие мускулы, напоминающие шоколадные завитки. Пальцы у Койолчи мозолистые, ссохшие, как вчерашние чилакили¹. Зитлалли нравится, как он водит ими по её щекам, шее, касается, будто ненароком, маленьких, затвердевших сосков.

Коричневых, опухших. Так и хочется взять в рот, надавить зубами и попробовать молока. Но мать не позволяет, говорит, это для младшего брата. Говорит, Зитлалли свое уже попила. Обманывает, конечно, такое разве забудешь? Зитлалли плачет и тянется к материнской груди. Мать отводит маленькую руку, берет Зитлалли на колени, начинает укачивать.

Мам, а ты сваришь мне шоколад из твоего молока?

Молоко Койолчи покупает через три дома, у рябой толстозадой соседки. Соседку Зитлалли не любит, но кроме нее на ранчо никто коровы не держит. Зитлалли знает, что соседка давно мечтает заманить Койолчи в гамак. Но у Койолчи есть Зитлалли и те худые, набеленные женщины, к которым он ходит, когда ездит в город. В такие дни Зитлалли мечтает ударить Койолчи палкой и долго ворочается в гамаке.

– Зих, зих², – правнуки раскачивают гамак.

– Зих, зих, – ноет Зитлалли. Бабка давно не варит шоколад, но Зитлалли все равно просит. Бабка лежит в гамаке, бесформенная и грузная, и изредка поворачивает голову туда, где к основанию прозрачных гор пылится узкая тропинка. По тропинке к автобусной остановке воскресными днями плетется Койолчи. За отравой для мышей, туалетной бумагой, мылом и небелеными женщинами.

Койолчи, Койолчи! – тоскливо кричит на ветках серый уилотль.

– Зих, зих, – канючат детские голоса.

Зитлалли давно не варит шоколад.

В субботу мышь укусила Зитлалли за ухо. Пробралась ночью в гамак и укусила до крови. Ухо покраснело и раздулось. Мать смазала укус соком алое. «Все равно вся кровь теперь скиснет», – подумала Зитлалли. «Все равно ты в гамаке какая-то кислая, – говорит ей Койолчи и снисходительно добавляет: – кисло-сладкая». Но Зитлалли не любит длинных слов и бьет Койолчи срезанной с шоколадного дерева палкой.

Бьет, бьет. Не бей меня Койолчи, я больше тебя не ударю. У Койолчи большие руки и квадратные плечи. Он бьет с размаху, по ребрам, плечам, грудям, животу. Бьет как щупает. Тех, набеленных женщин, которые носят штаны и не заплетают кос.

Толстых, как спелые какао-бобы, перевязанных меж собой разноцветными лентами. Мать их плетет каждое утро, себе, бабке, Зитлалли. Бабка кряхтит и кривится на табурете. Зитлалли раскачивается из стороны в сторону и поет высоким писклявым голосом.

Баритоном, как говорит Койолчи. Поет он неторопливо, размеренно, машет руками, широко разводит мясистые губы. Хорошо бы поцеловал. Горячие, наверно, как шоколад. Сладкие. И голос сладкий. Могучий. Так и поднимается над полем, так и бьет по маисовым колосьям. Бьет, бьет.

Не бей меня, Койолчи, я больше тебя не ударю.

Койолчи умный, он знает грамоту и умеет выводить слова. Соседям он чинит табуретки, столы и шифоньеры. Зачем Койолчи учил буквы, Зитлалли не знает. Но заставляет младших Койолчи выписывать на бумаге непонятные завитушки. Койолчи любит сыновей и покупает им в городе длинные прямоугольные конфеты. Говорит, это тоже шоколад. Обманывает, конечно, шоколад разве имеет форму? На мельнице Зитлалли перемалывает в порошок какао-бобы. Потом готовит варево в двух железных ведрах. Одно разливает в пластмассовые бутылки, другое заносит на чердак – для мышей. Мыши пьют шоколад длинными хвостами. Варево скисает. Зитлалли ругается и выплескивает его в огород.

Шоколад пузырится, затекает меж грядок и плывет куда-то по земляной жиже. Два маленьких Койолчи суют туда пальцы. Зитлалли снова ругается и, закинув детей на спину, несет их в самую дальнюю комнату дома.

Там Зитлалли забирается в ворох старых платьев. Платья грязны и обгрызены на рукавах. Бабкины платья нравятся больше материнских. Зитлалли рядится в кружевные оборки, обворачивает голову юбками и потихоньку засыпает. Во сне Зитлалли щекочут мыши. Мельтешат липкими хвостами, перебирают лапами и чихают. Зитлалли тоже чихает и переворачивается на другой бок.

Переворачивается Койолчи. Шумно встает, идет к гамаку. Ему не нравится спать в кровати. Зитлалли знает, что у набеленных женщин нет гамаков. В городе их вообще ни у кого нет. Зитлалли никогда не бывала в городе, но слыхала, что набеленные женщины живут в узких каменных коробках, высоко над землей. Как серые уилотли. Поэтому, наверно, они так нравятся Койолчи. По утрам он любит качаться в гамаке, наблюдая, как птицы перепархивают по веткам. Глаза Койолчи почти ничего не видят, он может не мигая смотреть на солнце. Солнце кружится по небу и падает за горизонт, который вытаптывает соседская корова.

По вечерам Зитлалли метет двор сучковатой метлой. Земли не поливает – чтоб пыли было побольше и мыши чихали. Зитлалли не любит мышей. Они селятся повсюду: ныряют в сундуки, заползают под печку, залезают в гамак и, пища, качаются, вцепившись в разноцветные нитки. Отравы не сыпет – Койолчи больше не ездит в город. Младшие Койолчи больше не ездят на ранчо.

Времена года на ранчо сменяются хаотично. Иногда наступают холода, и Зитлалли кутается в рваный цветастый платок. Шоколад в такие дни остывает быстро, Зитлалли греет его на медленном огне. Под рождество на шоколадном дереве распускаются новые листья. На листья набрасывают гирлянды, которые привозит из города Койолчи. Гамак тоже обвязывают гирляндой. Зитлалли лежит в нем бесформенная и грузная, и изредка поворачивает голову туда, где к основанию прозрачных гор пылится узкая

тропинка.

– Зих, зих, – ноют дети. Зитлалли не помнит их имен.

Иногда после рождества наступает лето. Зитлалли вместе с другими детьми бежит к реке – вылавливать новорожденных черепах. Приносит их домой, заворачивает в обрывки бабкиных платьев, пытается напоить шоколадом. Черепахи прячут в панцирь морщинистые головки. Младшие Койолчи смеются. Койлчи машет руками и говорит, что это живодерство. Зитлалли не любит длинных слов и бьет Койолчи засохшей палкой.

Самому младшему Койолчи Зитлалли позволяет совать пальцы в шоколад. Он облизывает их, причмокивая и пуская слюни. Самый младший Койолчи живет в самой дальней комнате. Он вернулся из города и больше туда не ездит. Его дети больше не ездят на ранчо.

На широком закопченном комале³ Зитлалли готовит маисовые лепешки. Койолчи сворачивает их в трубку и, не разжевывая, просовывает в горло. У него широкая челюсть и крепкие желтоватые зубы. Ест он много, жадно, куски мяса запивает зеленым пульке. Апельсины проглатывает с кожурой, брызжет на рубашку соком. Долго водит по тортильям распухшими деснами и, не разжеванными, просовывает их в горло.

Шоколад Зитлалли пьет из пластмассовой трубки. Трубку ей подарил сын самого младшего Койолчи. Он вернулся из города и больше туда не ездит. Трубка выкрашена в горошек и подогнута с одного края. Иногда Зитлалли кажется, что это мышиный хвост. Она облизывает трубку, причмокивая и пуская слюни.

У Койолчи болят почки и печень. Он сосет алоеый сок, крестится, машет руками. Зитлалли думает, это от скисшего шоколада. Ищет в сундуках завалявшуюся мышиную отраву, метет двор, не поливая земли. Мыши за печкой чихают. Койолчи стонет и вспоминает набеленных женщин.

По воскресеньям мать выносит за калитку два ведра шоколада.

Первым подходит Койолчи. Отчерпывает железным ковшом, неторопливо, размеренно пьет. Капли шоколада растекаются по его мясистым губам, затекают за подбородок, плывут по шейной ложбинке. Слизнула бы, да стыдно. Голову Койолчи задирает высоко, весь как-то откидывается, закатывает глаза. Бледный, сухой, на лбу пятно зеленеет. Несут его легко, будто вовсе не чувствуют веса. Младшие Койолчи расставляют на улице столы и скамейки. Зитлалли выносит за калитку два ведра шоколада.

Койолчи, Койолчи! – тоскливо кричит на ветках серый уилотль.

В комнате пахнет мочой и кровью. Мать лежит в беспамятстве, бледная, в неестественной позе. Зитлалли знает, что младшего брата не будет. Бабка выносит из спальни его липкое тельце, завернутое в старое платье. Зитлалли нащупывает на материнской груди толстый сосок, хватает его губами, чувствует сквозь складку ночной рубашки горьковатый вкус молока. Мать хрипит и тихонько стонет.

– Зитлалли, – шипит за спиной незнакомая некрасивая женщина.

– Зитлалли, – повторяет она, ощупывая толстый сосок, – Мальчик. Как назовешь?

– Койолчи, – хрипит Зитлалли и засыпает. Во сне ее щекочут мыши. Мельтешат липкими хвостами, перебирают лапами и чихают.

Мам, а ты сваришь мне шоколад из твоего молока?

Раскачивается, раскачивается гамак. Из дома прорывается звук радиоприемника. Сын младшего Койолчи слушает новости. Катаклизмы, дефолт, коррупция, – кричит приемник голосом Койолчи. Зитлалли не любит длинных слов и бьет Койолчи трухлявой палкой.

В самой последней комнате мать поит шоколадом маленьких черепах. Черепахи машут длинными хвостами и пьют ими, как через соломинку. У бабки мышиный взгляд. Она может не мигая смотреть на солнце. Солнце падает за горизонт и долго бурлит в железном ведре. В огороде набеленная невестка выплескивает на землю шоколад. Шоколад пузырится, затекает меж грядок и плывет

куда-то по земляной жиже.

– Зих, зих, – канючат дети голосом Койолчи.

Зитлалли давно не варит шоколад.

1. Блюдо, приготовленное из сухих маисовых лепешек.

2. Zihtli – (ацтекск.) бабушка.

3. Мексиканский противень.

Об авторе: АЛИНА ДАДАЕВА

Родилась в Джизаке (Узбекистан) 1989 г. По образованию журналист. В настоящее время проживает в Мехико. Работает переводчиком в Центре Влади (русско-мексиканского художника Владимира Кибальчича). Стихи, проза и переводы публиковались в журналах «Звезда», «Новая Юность», «Интерпоэзия», «Звезда Востока» (Узбекистан), «Палисадник» (Украина), *Asymptote* (США), *Modern Poetry in Translation* (Великобритания); коллективных сборниках «Новые писатели» (Россия), «Буквы на камнях» (Россия-Армения), «Междуречие» (Узбекистан). Принимала участие в Форуме молодых писателей России и Международной писательской программе университета Айовы (США). Призер литературного конкурса «Русский Гофман», переводческих конкурсов «Читающий Петербург», «Евразия», «1917-2017»; конкурса эссе «Уйти. Остаться. Жить». Финалист Волошинского конкурса и премии имени Дмитрия Горчева (в номинации «Малая проза»). Стихи переводились на английский и армянский языки. Некаʻalar